

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1 (091)

EDN: SNKAQJ

doi: 10.21685/2307-9525-2024-13-1-12

«ΕΙΔΟΣ»: ОТ ПЛАТОНА К АРИСТОТЕЛЮ

Роман Юрьевич Аторин¹, Максим Анатольевич Васильченко²

¹Государственный университет управления, Москва, Россия

²Университет «Синергия», Москва, Россия

¹romanos-85@yandex.ru

²maks-vasilchenko@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность данного исследования связана с тем, что многими современными достижениями наука обязана умозрительным конструкциям, которые были сформулированы представителями классической античной философии более 2400 лет назад. Именно Платон и Аристотель заложили основы систематизации и классификации. Труд Аристотеля «Категории» представляет собой начало всякого научно-теоретического познания, так как выступает в качестве обобщения данных. Заложенные им принципы нашли свое практическое применение в логике, гносеологии и эпистемологии, что делает их изучение особенно важным для продуцирования нового научного знания. Обращаясь к изучению основных тенденций развития научного знания в XX в., стоит говорить о том, что признаки деления вещи, предложенные Аристотелем, нашли свое применение в трудах как дореволюционных, так и советских исследователей. Это подтверждает актуальность исследуемой проблемы. Цель работы – определить трактовку Аристотелем понятия «είδος» Платона и рассмотреть основные способы классификации родов и видов данного понятия. *Материалы и методы.* Для достижения поставленной цели были использованы общенаучные методы: анализа, синтеза, дедукции, классификации. Источниковой базой для исследования послужили тексты ключевых работ Аристотеля: «Метафизика», «Физика», «Категории». *Результаты.* Природа «понятия» как формы мысли во многом остается аристотелевской, как нечто, сформированное из существенных признаков предмета, обладающего постоянством. *Выводы.* На основе анализа эволюции понятия «είδος», представленного в работах Платона и Аристотеля, сделан вывод, что бытие каждого «είδος», по мнению Платона в отдельной вещи, трансформируется, по Аристотелю, и становится индивидуальной субстанцией, «чтойностью». Универсалии же приобретают в рамках его идей акцидентальный характер. Их бытие позволяет в родах и видах видеть иерархичность, благодаря чему возможна их классификация, что дает возможность говорить о систематизации изучаемых объектов. Универсалия же, по Аристотелю, может атрибутироваться нескольким вещам и не является субстанцией, так как последняя есть только субъект, демонстрирующий собственный принцип существования.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, объективный идеализм, атрибут, предикат

Для цитирования: Аторин Р. Ю., Васильченко М. А. «ΕΙΔΟΣ»: от Платона к Аристотелю // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. С. 118–125. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-1-12 EDN: SNKAQJ

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

«ΕΙΔΟΣ»: FROM PLATO TO ARISTOTLE

Roman Yu. Atorin¹, Maxim A. Vasilchenko²

¹State University of Management, Moscow, Russia

²Synergy University, Moscow, Russia

¹romanos-85@yandex.ru

²maks-vasilchenko@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of this study is related to the fact that many modern achievements of science are due to the speculative constructions that were formulated by representatives of classical ancient philosophy more than 2,400 years ago. It was Plato and Aristotle who laid the foundations of systematization and classification. Aristotle's work "Categories" represents the beginning of all scientific and theoretical knowledge, as it acts as a generalization of data. The principles he laid down have found their practical application in logic, theory of knowledge and epistemology, which makes their study especially important for the production of new scientific knowledge. Turning to the study of the main trends in the development of scientific knowledge in the 20th century, it is worth saying that the signs of the division of things proposed by Aristotle found their application in the works of both pre-revolutionary and Soviet researchers. This confirms the relevance of the problem under study. The purpose of the work is to define Aristotle's interpretation of Plato's concept of "εἶδος" and to consider the main ways of classifying genera and species of this concept. *Materials and methods.* To achieve this goal, general scientific methods were used: analysis, synthesis, deduction, classification. The source base for the research was the texts of key works of Aristotle: Metaphysics, Physics, Categories. *Results.* The nature of the "concept" as a form of thought remains largely Aristotelian, as something formed from the essential features of an object with permanence. *Conclusions.* The authors, after analyzing the evolution of the concept of "εἶδος" in the works of Plato and Aristotle, come to the conclusion that the existence of each "εἶδος" in Plato's opinion is transformed into a separate thing, according to Aristotle, and becomes an individual substance, "something". Universals, however, acquire an accidental character within the framework of his ideas. Their existence allows us to see hierarchy in genera and species, which makes it possible to classify genera and species, which enables us to talk about the systematization of the studied objects. According to Aristotle, the universal can be attributed to several things and is not a substance, since the latter is only a subject demonstrating its own principle of existence.

Keywords: Plato, Aristotle, objective idealism, attribute, predicate

For citation: Atorin R.Yu., Vasilchenko M.A. «ΕΙΔΟΣ»: from Plato to Aristotle. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(1):118–125. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2025-13-1-12

Формирование научной картины мира, переход от мифологического сознания к системному познанию невозможно представить без наследия античных философов. Вклад Сократа, Платона и Аристотеля в развитие современной цивилизации неоченим. Именно они являются отцами современной «континентальной» философии [1]. Впервые вопрос о традиции изучения наследия Аристотеля в нашей стране был поставлен С. Аверинцевым, который отметил, что «встреча с Аристотелем так и не произошла» [2, с. 328]. Причина этого крылась, как отмечает в своей диссертации Д. А. Павлова, не столько в отсутствии должного числа переводов первоисточника, сколько в сложности самих текстов, определивших меньшую степень влияния наследия Аристотеля на развитие общественной мысли в России по сравнению с сочинениями

Платона [3, с. 3]. Таким образом, можно говорить о существовании ряда научных лакун в исследовании наследия Аристотеля.

Говоря об исследовании наследия Аристотеля в русской общественной мысли, стоит отметить, что в восточной христианской традиции его труды рассматривали как составную часть философии школы Платона. Позднее с развитием собственной христианской традиции Аристотель становится персоной *pop grata* [4]. Переосмысление его работ происходит в 30-е гг. XIX в., что было вызвано активизацией научных связей с Европой и изучением трудов Г. В. Ф. Гегеля. Именно исследование работ немецкого философа позволило в контексте споров западников и славянофилов сформировать устойчивое представление об Аристотеле как о философе-систематизаторе, предопределившем формирование религиозной философии эпохи Средневековья. Важную роль в этом сыграл, по мнению Д. А. Павловой, В. Г. Белинский. Данный взгляд на наследие античного философа имели и славянофилы, обращаясь «изначально к Аристотелю Киреевский, равно как и В. Г. Белинский, интересовался не столько античной философией, сколько текущими обстоятельствами» [4, с. 43].

Вместе с тем стоит отметить важность влияния трудов Аристотеля на формирование европейской культуры мировосприятия. Работы философа изучались классиками немецкой современной философии [5], а также американской [6].

Важную роль Аристотеля в формировании научного знания многократно отмечал в своих работах В. И. Вернадский. Он пришел к выводу, что главная заслуга античного философа состоит в формировании научного аппарата, который представал как «система и классификация» научных фактов [7, с. 109].

Широта интересов автора предопределила актуальность изучения его трудов как в Европе, так и в России [8–12]. Внимание к идеям античного философа существенно возросло в связи с применением междисциплинарного подхода.

Умозрительные принципы, положенные в основу классификации сущностей, рассмотренные Аристотелем в труде «Категории», являются началом всякого научно-теоретического познания как результата обобщения апостериорных данных. Применение этих принципов остается актуальным в философской логике, гносеологии и эпистемологии в целом.

«Категории» написаны с целью рационального переосмысления объективного идеализма Платона. Мир идей, как основное достижение платонизма, и их природа рассматриваются Стагиритом исходя не из самого понятия «*εἶδος*» – подлинно действительных умопостигаемых вечно-реальных и универсальных начал, мыслимых посредством всеобщих понятий. (Важным является то, что «*εἶδος*» не наше субъективное представление о вещи, а истинное объективное бытие.) Альтернативой абстрактно-дедуктивно-созерцательному методу Платона стало рассмотрение его самым известным учеником идеи путем «наведения» (т.е. индукции) как сущности конкретной вещи через совокупность ее существенных свойств.

Оставаясь продолжателем заданной пифагорейцами и элеатами традиции объективного идеализма [13, с. 63], пространно обоснованной Платоном, Аристотель понимал, что «отрицать существование идеи вещи в этом самом смысле значило бы отрицать существование самой вещи» [14, с. 311]. Однако платоновское увлечение абсолютизацией понятий как идей мира реального и их противопоставление бытию эмпирическому (очевидное влияние метафизического радикализма Парменида [15, с. 286–292]) вызывало у Аристотеля целый ряд вопросов об установлении адекватных критериев и механизмов познания идей, способов их сопричастности уму [16, с. 87–92].

Также Аристотель не удовлетворяется чрезмерным *религиозным поэтизмом* Платона и стремится найти способ сделать «*εἶδος*» более понятными для рассудка. «Говорить же, что они образцы и что все остальное им причастно, – значит пустословить и говорить поэтическими иносказаниями» [16, с. 88]. Божественность платоновских *эйдосов* и дедуктивное углубление в их сущность неизбежно требуют других способов познания, из области *иррационального* (мифологии, имажинации, религии), что приводит к специфическому воззрению на чувственный мир, игнорировать реальность которого Аристотель уже не мог. «В отличие от своего учителя Платона, которого характеризовали интерес к математическим наукам и равнодушие

к эмпирическим феноменам, Аристотель акцентировал внимание на конкретном чувственно данном» [17, с. 198–199].

В созерцании идей наличествует тонкая, условная грань между рациональным и иррациональным, а если «εἶδος» проявляется как второе – его становится трудно интерпретировать посредством *ratio*, но он вполне объясним с точки зрения мифологии [18, с. 16–17]. Однако довольно развитое к тому времени философское мышление требовало объяснения чувственного мира, *не входя в противоречие с мифологическим и религиозным познанием*. Ведь ничто не мешает мыслить «εἶδος» и как бытие Бога само по себе, и в качестве обуславливающего познание, на что был сделан акцент со стороны концептуалистов в эпоху «высокой схоластики»: «Поскольку идеи полагаются Платоном как начала познания вещей и их порождения, то идея имеется у всего, коль скоро она полагается в божественном уме» [19, с. 91]. Таким образом, посредством категорий Аристотелем, кроме определения сущностей вещей, решается еще одна важная мировоззренческая задача – соотношение религиозного и рационального начала в познании, их непротиворечивое разграничение. Необходимо также отметить, что на неразрывность идей и вещей указывал еще Сократ, и Аристотель упоминает об этом [16, с. 328], а последующее их разъединение платониками есть отход от сократической гносеологии, возвращение принципов которой Аристотель видел в качестве своей первоочередной задачи.

«Аристотель не отрицал наличие идей... Он восставал только против их отрыва и изоляции от действительности со всем бесконечным множеством и разнообразием вещей» [14, с. 313]. Действительно, расстаться с мыслью Платона о реальности общего и универсального – значит отрицать познание вообще, о чем, в принципе, и скажет Иммануил Кант почти 2000 лет спустя. А пока что Аристотель не допускает ничего подобного и стоит на позициях объективного идеализма, невозможного без божественной субстанциальности «εἶδος», оставаясь, по существу, платоником, не задавая себе цели избавиться от влияния учителя [20, с. 421–425]. Однако со стороны самого себя живой объективный совершенный «εἶδος» инициативно осуществляет действие в разуме, благодаря чему становится возможным познание, охарактеризованное Платоном как «воспоминание». Судя по всему, Аристотеля не совсем устраивал подобный подход. Анализируя платоновское объективное сущее, совсем несложно помыслить суть познания в качестве пассивного восприятия идей-понятий, что приводит к проблеме сущности мышления вообще, и увидеть противоречие в определении человека как автономно мыслящего существа. Какова степень самостоятельности мышления и в чем заключается свободное действие разума? Есть ли мышление самостоятельный творческий акт или же оно имеет нечто сродни инстинктивному бессознательному? Возможен ли соблазн ввергнуть разум в ведомство абсолютной власти «εἶδος»? Если «εἶδος» есть абсолютная полнота блага, то несовершенство интеллекта, так или иначе связанного с чувственной вещностью, есть лишь препятствие акту «εἶδος» как началу, обуславливающему знание. Данное умозаключение вполне уместно, если признать абсолютность «εἶδος», однако нетрудно заметить, что логическое доведение идеи абсолюта до его плеромической всеобщности не оставляет места разумному волеизъявлению человека, что приводит к отрицанию атрибуции человека как мыслящего действующего субъектного начала. «Получалось примерно так, как если бы кто, желая произвести подсчет, при меньшем количестве вещей полагал, что это будет ему не по силам, а увеличив их количество, уверовал, что сосчитает» [16, с. 328], т.е. отдал должную работу разума на откуп «всемогущества» идей. Таким образом, выведение Аристотелем категорий обусловлено необходимостью отыскания золотой середины между объективностью «εἶδος» и свободно-волевым творческим действием разума в деле познания вещей, бытие которых есть действие «εἶδος».

«Обычно думают так, что вещь существует сама по себе, а идея вещи сама по себе. Этого дуализма Аристотель просто не выносит. <...> Такой дуализм имеет смысл только в качестве самого первого и самого элементарного пункта сопоставления вещи и идеи» [13, с. 75–76]. Вся критика Аристотелем воззрений Платона сводилась не к утверждению небытия эйдосов как таковых, а против положения об абсолютной отвлеченности идей, подчеркивая необходимость существования эйдосов неотделимо от вещей, что и обеспечивает их мыслимость посредством «общего и единичного», «неизменного и привходящего», «субстанции

и акциденции» и пр. «Следует, по-видимому, считать невозможным, чтобы отдельно друг от друга существовали сущность и то, сущность чего она есть» [16, с. 88]. Так, Аристотель для умозрительного выявления идеи-сущности вводит категории «основные роды или разряды бытия и соответственно основные роды понятий о бытии, его свойствах и отношениях» [21, с. 263], чтобы обрести все возможное знание о платоновском «εἶδος» как начале и причине всего сущего. В этом заключается основная причина появления учения о категориях, рассматриваемых в качестве «искусственной системы упорядочения естественных продуктов природы... способа выражения представлений и в них намечающихся понятий» [22, с. 117].

Книга IV «Метафизики» Аристотеля посвящена определению сущности как главной задаче любого философского исследования, так как философия есть область интеллектуальной и духовной деятельности, которая «исследует общую природу сущего, как такового» [16, с. 119]. Таким образом, философия была определена Аристотелем как «наука о первых причинах и о том, что наиболее достойно познания, мудростью надо бы признать науку о сущности» [16, с. 102].

Для объяснения понятия сущности (а также в деле решения иных эпистемологических задач) Аристотель использует несложные грамматические примеры, центральным героем которых являлся философ Сократ, и это стало традицией для последующих исследователей.

Если взять высказывание «Сократ есть мудрец» – то с точки зрения семантики и синтаксиса Сократ остается субъектом, существующим исключительно в языковом пространстве (грамматическим субъектом). Однако при онтологическом подходе в этом же высказывании (предложении) «Сократ есть» означает бытие Сократа в действительности, что дает предпосылку образования онтологического субъекта.

Слово «мудрец» в предложении – грамматический предикат. Однако онтологически «мудрец» есть одно из сущностно образующих свойств субъекта, для которого этот предикат составляет способ существования. Но является ли «мудрость» *абсолютным неотъемлемым предикатом* (атрибутом), который мы имеем право применить в отношении субъекта «Сократ»?

Аристотель виртуозно оперирует примерами различных типов сущностных определений одного и того же субъекта, которые могут быть не равны иерархически и не сведены к чему-то общему. Дело в том, что предикат «человек», действительно относящийся к «Сократу, который есть», а также предикаты «житель Афин» или «мудрый», равным образом действительные в отношении Сократа, на самом деле имеют различную онтологическую значимость, несмотря на очевидность возможности и непротиворечивости их бытия в одном субъекте.

«Сократ – человек» – это *атрибутивное* суждение, которое «не просто предикат, а предикат, который неотъемлем от сущности» [23, с. 27], другими словами, субстанциальное свойство вещи, неотделимое от нее самой, свойство, неотчуждаемое от сущности. «Сократ-человек» означает то, что составляет первую сущность Сократа, т.е. данная категория дает нечто, что является «πρῶτῇ οὐσίᾳ» «Сократ» и отождествляется онтологически. «Человечность» в Сократе есть то первое, что делает Сократа Сократом, так как только лишь после определения существования Сократа его именем, *которое есть человек*, мы имеем право предиктировать ему «мудрец», «афинянин» и т.д. Последние относятся только к личности, существо которой обусловлено ее «человечностью». Таким образом, «существование в качестве человека» – это то, что мы можем назвать атрибутом Сократа, следовательно, сущностью: «сущность каждой вещи есть "единое" не привходящим образом, и точно так же она по существу своему есть сущее» [16, с. 120–121]. Сократ не был бы Сократом, если бы являлся не человеком, а, например, скалой или камнем. Что касается таких предикатов, как «мудрый» или «афинянин», или любых других, мы ими также характеризуем Сократа, однако делаем это после установления атрибуции «человечность». Все последующие предикаты ничто не мешает заявить в качестве дополнения, но называться они будут тем, что случайным (в смысле – не-сущностным) образом охарактеризует Сократа. Если отвести все последующие за атрибутом предикаты – Сократ продолжит быть Сократом даже тогда, когда он будет являться не «мудрецом», а «невежей», не «афинянином», а жителем любого другого города.

Таким образом, мы имеем определения сущности вещи разного онтологического уровня:

а) *атрибут* – это то, что составляет сущность вещи, самый первый и *неотъемлемый предикат*, который не может не быть (например, «Сократ есть человек»). Посредством атрибуции сущностного определяется, что есть вещь как единичный субъект, что составляет ее бытие, обуславливая, таким образом, некоторое неотъемлемое свойство, исполняющее функцию сущностной идентификации конкретного субъекта в его идее. «Относительно атрибута можно знать, *что* он есть ... Но бытие (*esse*) атрибута состоит в том, чтобы быть внутренне присущим (*in-esse*) субъекту ... Итак, относительно атрибута мы не имеем предпознания о его существовании, но знаем только, *что* он есть» [23, с. 26–27]. «Субъект и атрибут познаются «актом схватывания их чтойности» [23, с. 28];

б) *предикат* – относимое к вещи привходящее свойство, которое может быть, а может и не быть (например, «Сократ – мудрый»). Предикацию можно назвать неким «случайным», потому что она определяет что-то из рода не-сущностного, некое свойство или параметр, который не обязательно является неотъемлемой частью субъекта.

Вторая подкатегория (предикация) подразделяется Аристотелем на роды. Сократу можно предиктировать следующее:

а) «учитель Платона», «муж Ксантиппы», «отец троих детей»;

б) «находящийся на центральной площади Афин», «в бане», «на собрании», «на суде»;

в) «мудрый», «добродетельный», «неприхотливый», «идеалист», «мастер публичного выступления», «борец против софистов», «невысокий» и многое другое, что также справедливо относится к субъекту «Сократ».

Все определения отличаются друг от друга тем, что в пункте а) идентифицируются отношения Сократа с другими субъектами, в пункте б) определяются места, где может находиться Сократ, в пункте в) представлены качества, являющиеся специфическими только для Сократа.

Вышеприведенные предикаты существуют в форме ответов на различные типы вопросов, которые можно задать в отношении Сократа. Определив некие условия, при которых каждый вопрос будет подразумевать отыскание разного рода предикатов (например, в каких отношениях находится Сократ с другими субъектами, где он находится, какие особенности его характеризуют и т.д.), Аристотель отнес эти предикаты к различным категориям или родам сущностей.

Таким образом, бытие каждого «*είδος*» Платона в отдельной вещи становится, по Аристотелю, индивидуальной субстанцией, «чтойностью». Универсалии же приобретают акцидентальный характер, их бытие позволяет в родах и видах видеть иерархичность, благодаря чему возможна их классификация. Универсалия может атрибутироваться нескольким вещам и не является субстанцией, так как последняя есть только субъект, демонстрирующий собственный принцип существования.

Список литературы

1. Боровская Е. В. Влияние философии Аристотеля на формирование европейской науки // Духовная сфера общества. 2017. № 14. С. 111–115. EDN: [ZWJCID](#)
2. Аверинцев С. С. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Риторика и истоки европейской литературной традиции : монография. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 319–328. EDN: [YLMKPJ](#)
3. Павлова Д. А. Интерпретация мышления Аристотеля в философии XX века : дис. ... канд. филос. наук : 5.7.2. Саратов, 2022. 167 с. EDN: [QQUNHK](#)
4. Павлова Д. А. Фигура Аристотеля в отечественной интеллектуальной атмосфере XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, № 1. С. 40–44. doi: [10.18500/1819-7671-2022-22-1-40-44](#) EDN [CCUKBK](#)
5. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации). СПб. : Гуманитарная Академия, 2012. 224 с. EDN: [QXEDEV](#)
6. Арентс Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. М. : Ad Marginem Press, 2017. 416 с.

7. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление : монография. М. : Наука, 1991. 271 с. EDN: [KBQMGG](#)
8. Биbihин В. В. Энергия : монография. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 485 с. EDN: [QWWE OV](#)
9. Месяц С. В. Аристотелевская теория ощущения: конфликт интерпретаций // Историко-философский ежегодник. 2017. № 2017. С. 5–20. EDN: [YKZHGB](#)
10. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. 458 с.
11. Позднев М. М. Психология искусства. Учение Аристотеля. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 815 с. EDN: [QXZVEP](#)
12. Макарова И. В. Аристотелевское учение о душе и уме в неоплатонической рецепции // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2007. № 2. С. 39–46. EDN: [JWWHSL](#)
13. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. М. : ЧеРо, 2005. 208 с. EDN: [QWKSOJ](#)
14. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М. : Молодая гвардия, 2005. 383 с. EDN: [QWKJOX](#)
15. Лебедев А. В. Фрагменты ранних древнегреческих философов. Ч. I : От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. и авт. вступ. ст. И. Д. Рожанский. М. : Наука, 1989. 576 с. EDN: [SHJSMP](#)
16. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / ред. и авт. предисл. В. Ф. Асмус. М. : Мысль, 1978. 549 с.
17. Пронина Е. Н. Античная философия. Краткий курс. М. : АСТ, 2018. 272 с.
18. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. М. : Академический проект, 2023. 235 с.
19. Аквинский Ф. Сумма теологии: с комментариями и объяснениями / пер., сост., предисл., коммент. К. Бандуровского. М. : АСТ, 2019. 320 с.
20. Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. М. : Юрайт, 2019. 488 с. EDN: [VHVOJP](#)
21. Асмус В. Ф. Античная философия (история философии). М. : Высшая школа, 2009. 400 с. EDN: [QWUSZX](#)
22. Тренделенбург А. Элементы логики Аристотеля / пер. Б. А. Фохта, А. Г. Вашестова ; вступ. ст. М. Р. Демина ; под общ. ред. Н. А. Дмитриевой. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 336 с.
23. Аквинский Ф. Комментарии Фомы Аквинского к «Второй Аналитике» Аристотеля / пер., коммент. и предисл. О. А. Антоновой, Е. В. Журавлевой ; отв. ред. Д. В. Шмонин. СПб. : Платоновское философское общество, 2020. 391 с.

References

1. Borovskaya E.V. The influence of Aristotle's philosophy on the formation of European science. *Dukhovnaya sfera obshchestva = The spiritual sphere of society*. 2017;(14):111–115. (In Russ.)
2. Averintsev S.S. Christian Aristotelianism as an internal form of the Western tradition and the problems of modern Russia. *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii: monografiya = Rhetoric and the origins of the european literary tradition: monograph*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1996:319–328. (In Russ.)
3. Pavlova D.A. *Interpretation of Aristotle's thinking in the philosophy of the twentieth century*: PhD dissertation. Saratov, 2022:167. (In Russ.)
4. Pavlova D.A. The figure of Aristotle in the domestic intellectual atmosphere of the twentieth century. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = News of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2022;22(1):40–44. (In Russ.). doi: [10.18500/1819-7671-2022-22-1-40-44](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-1-40-44)
5. Khaydegger M. *Fenomenologicheskie interpretatsii Aristotelya (Ekspozitsiya germenevticheskoy situatsii) = Phenomenological interpretations of Aristotle (Exposition of the hermeneutic situation)*. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2012:224. (In Russ.)
6. Arendt Kh. *Vita Activa, ili O deyatel'noy zhizni = Vita Activa, or on active life*. Moscow: Ad Marginem Press, 2017:416. (In Russ.)
7. Vernadskiy V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie: monografiya = Scientific thought as a planetary phenomenon: monograph*. Moscow: Nauka, 1991:271. (In Russ.)
8. Bibikhin V.V. *Energiya: monografiya = Energy: monograph*. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2010:485. (In Russ.)

9. Mesyats S.V. Aristotle's theory of sensation: a conflict of interpretations. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik = Historical and philosophical yearbook*. 2017;(2017):5–20. (In Russ.)
10. Chernyakov A.G. *Ontologiya vremeni. Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya, Khaydeggera = Ontology of time. Being and time in the philosophy of Aristotle, Husserl, Heidegger*. Saint Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 2001:458. (In Russ.)
11. Pozdnev M.M. *Psikhologiya iskusstva. Uchenie Aristotelya = Psychology of art. The teachings of Aristotle*. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2010:815. (In Russ.)
12. Makarova I.V. Aristotle's doctrine of soul and mind in neoplatonic reception. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya = Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy*. 2007;(2):39–46. (In Russ.)
13. Losev A.F. *Istoriya antichnoy filosofii v konspektivnom izlozhenii = History of ancient philosophy in brief*. Moscow: CheRo, 2005:208. (In Russ.)
14. Losev A.F., Takho-Godi A.A. *Platon. Aristotel' = Plato. Aristotle*. Moscow: Mol. Gvardiya, 2005:383. (In Russ.)
15. Lebedev A.V. *Fragmenty rannikh drevnegrecheskikh filosofov. Ch. I: Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki = Fragments of the early ancient Greek philosophers. Part I: From epic theocosmogonies to the emergence of atomism*. Moscow: Nauka, 1989:576. (In Russ.)
16. Asmus V.F. (ed.). *Aristotel' Sochineniya: v 4 t. T. 1 = Aristotle's Works: in four volumes. V.1*. Moscow: Mysl', 1978:549. (In Russ.)
17. Pronina E.N. *Antichnaya filosofiya. Kratkiy kurs = Ancient philosophy. A brief course*. Moscow: AST, 2018:272. (In Russ.)
18. Eliade M. *Aspekty mifa = Aspects of myth*. Transl. from French by V.P. Bolshakov. Moscow: Akademicheskii proekt, 2023:235. (In Russ.)
19. Akvinskiy F. *Summa teologii: s kommentariyami i ob'yasneniyami = Sum of theology: with comments and clarifications*. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2019:320. (In Russ.)
20. Trubetskoy S.N. *Kurs istorii drevney filosofii = Course in the history of ancient philosophy*. Moscow: Yurayt, 2019:488. (In Russ.)
21. Asmus V.F. *Antichnaya filosofiya (istoriya filosofii) = Ancient philosophy (history of philosophy)*. Moscow: Vysshaya shkola, 2009:400. (In Russ.)
22. Trendelenburg A. *Elementy logiki Aristotelya = Elements of Aristotle's logic*. Moscow: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», 2017:336. (In Russ.)
23. Akvinskiy F. *Kommentarii Fomy Akvinskogo k «Vtoroy Analitike» Aristotelya = Thomas Aquinas' commentary on Aristotle's second analytics*. Saint Petersburg: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo, 2020:391. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Р. Ю. Аторин – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Государственный университет управления, 109542, г. Москва, Рязанский проспект, 99.

М. А. Васильченко – кандидат исторических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Университет «Синергия», 125190, г. Москва, Ленинградский проспект, 80.

R.Yu. Atorin – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, State University of Management, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542.

M.A. Vasilchenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Synergy University, 80 Leningradsky Ave, Moscow, 125190.

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 20.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 28.02.2025